A 163/305

А 163
305

А. А. Потуловъ.

О ЗАПОВѢДНЫХЪ

ДВОРЯНСКИХЪ ИМѢНІЯХЪ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Именовская улица, собствен. домъ.
1889.

А 163/305

А. А. Потуловъ.

О ЗАПОВѢДНЫХЪ

ДВОРЯНСКИХЪ ИМѢНІЯХЪ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1889.

Дозволено цензурою. Москва, 18 ноября 1889 г.

2007041681

О заповѣдныхъ дворянскихъ имѣніяхъ.

Вступленіе.

Всѣ признаютъ безспорнымъ тотъ фактъ, что со времени освобожденія крестьянъ значительная часть дворянскихъ имѣній перешла въ руки другихъ сословій. Этотъ переходъ продолжается, кажется, и по нынѣ. Само собою разумѣется, что сословіе, бывшее до сихъ поръ землевладѣльческимъ, не можетъ равнодушно относиться къ своему постепенному обезземеленію, и естественно, если оно ищетъ законныхъ путей къ устраненію грозящаго ему бѣдствія.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали обнаруживаться попытки облегчить тяжелое экономическое положеніе дворянства. Къ такимъ попыткамъ слѣдуетъ отнести, между прочимъ, ходатайство Орловскаго дворянства объ учрежденіи общегосударственнаго земельнаго банка и о дарованіи заемщикамъ взаимнаго поземельнаго кредита возможности перейти въ тотъ общегосударственный земельный банкъ. Но эти попытки были, на первыхъ порахъ, сословными только по формѣ, имѣя въ виду интересы землевладѣльцевъ вообще. Только съ появленіемъ предложенія князя Мещерскаго о заповѣдныхъ имѣніяхъ вопросъ сталъ на почву исключительно дворянскихъ интересовъ.

Чего ни дѣлаютъ кн. Мещерскій и его послѣдователи

для поддержанія своего предложенія! Князь Мещерскій поднялъ тѣнь Петра Великаго, ссылается на примѣръ иностранныхъ государствъ и на науку. Его послѣдователи идутъ еще дальше и пугаютъ насъ тѣмъ, что свобода раздѣла земельной собственности между сыновьями есть изобрѣтеніе французской революціи.

Призракъ французской революціи дѣйствительно наводитъ ужасъ, а примѣръ иностранныхъ государствъ и авторитетъ людей науки и такого генія, какъ Петръ Великій, заслуживаютъ величайшаго вниманія. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли Петръ Великій и люди науки говорятъ то, что̀ имъ приписываютъ, находятся ли иностранныя государства въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Россія, и не поступаютъ ли пугающіе насъ французской революціей подобно китайцамъ, рисующимъ драконовъ на стѣнахъ своихъ крѣпостей?

На повѣрку оказывается, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ послѣдователей кн. Мещерскаго дѣйствительно смахиваютъ на китайцевъ. Закономъ о единонаслѣдіи Петръ Великій отмѣнилъ искони существовавшій у насъ порядокъ наслѣдованія, по которому земельная собственность подлежала раздѣлу между сонаслѣдниками. Но неужели же можно заподозрить въ нашихъ предкахъ склонность къ принципамъ французской революціи,— свободѣ, равенству и братству? И если свобода раздѣла земельной собственности есть порожденіе революціонныхъ стремленій, то какъ объяснить то обстоятельство, что одно и то же общество въ одно и то же время привѣтствовало и уничтоженіе Петровскаго закона объ единонаслѣдіи и уничтоженіе императрицей пунктовъ, которыми верховники думали ограничить ея власть?

Итакъ ссылка на революцію не выдерживаетъ критики. Перейдемъ къ ссылкамъ на научные авторитеты.

Князь Мещерскій ссылается на Леплэ (Le Play), сочиненія котораго, сколько можно судить изъ брошюры князя Мещерскаго (Пояснительная записка № 2), онъ даже и не читалъ. Князь Мещерскій не только не предлагаетъ намъ никакого разбора теорій Леплэ, сдѣланнаго хотя бы съ чужихъ словъ, но даже не потрудился подробно изложить взгляды этого писателя. Князь Мещерскій просто-напросто выдернулъ нѣсколько фразъ изъ брошюры Деволэна (Devolins) „Le Play et son oeuvre de reforme social“ и затѣмъ уже отъ себя добавляетъ еще и то, что̀ сказалъ бы Леплэ, еслибы прочелъ Пояснительную записку № 2.

Если сторонники недѣлимости указываютъ на Леплэ, я съ своей стороны сошлюсь на Адама Смита, осуждавшаго единонаслѣдіе. При этомъ я не намѣренъ обременять читателей цитатами изъ него, предоставляя любопытнымъ самимъ рыться въ его богатствѣ народовъ. Точно также я не стану дѣлать догадокъ о томъ, что̀ сказалъ бы Адамъ Смитъ, еслибы прочелъ Пояснительную записку № 2.

Предоставивъ Адаму Смиту и его единомышленникамъ, предкамъ нашимъ, поражать болѣе сильнаго противника, Леплэ, самъ я попробую помѣряться силами съ княземъ Мещерскимъ въ толкованіи закона Петра Великаго.

Послушать кн. Мещерскаго, такъ подумаешь, будто Петръ Великій былъ очень озабоченъ поддержаніемъ блеска дворянскихъ родовъ. Еще не читая текста закона о единонаслѣдіи, плохо вѣришь увѣреніямъ кн. Мещерскаго на этотъ счетъ, потому что всѣмъ извѣстны какъ простота жизни самого государя, такъ и его склонность сближаться съ людьми вовсе неродовитыми; достаточно указать на примѣръ супруги государя, императрицы Екатерины, и ближайшихъ его сотрудниковъ, князя

Меншикова, графа Миниха и барона Шафирова, чтобы убѣдиться въ томъ, что государь не очень-то интересовался родословными. Ознакомившись же съ текстомъ закона, какъ онъ изложенъ самимъ кн. Мещерскимъ въ Пояснительной запискѣ № 2, еще болѣе убѣждаешься въ неправильномъ толкованіи кн. Мещерскимъ закона.

Перечисляя вредъ, проистекающій отъ раздѣла между сонаслѣдниками недвижимыхъ имѣній, Петръ Великій на первомъ мѣстѣ ставитъ вредъ, причиняемый государственнымъ интересамъ, на второмъ — вредъ подданнымъ (т.-е. крестьянамъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ); вреду же, причиняемому дворянскимъ родамъ и выражающемуся въ *самихъ фамилій паденіи* отведено послѣднее мѣсто. Далѣе, въ законѣ приводится примѣръ того, что̀ произойдетъ, если тысяча дворовъ, принадлежавшихъ одному помѣщику, будетъ, послѣ его смерти, раздѣлена между пятью его сыновьями. Но въ началѣ примѣра стоитъ въ заголовкѣ краснорѣчивое: „*I о податяхъ*“ и во всемъ примѣрѣ чувствуется опасеніе за благосостояніе крестьянъ, какъ главной податной силы въ государствѣ: „*уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва ли не тожь нести, какъ тысяча несла (а государственныя подати податьми), отчего не разореніе ли суть людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ?*“

Напротивъ, мы вовсе не замѣчаемъ сожалѣнія законодателя о томъ, что сыновьямъ не удастся жить, послѣ раздѣла, также *ясно*, какъ жилъ ихъ отецъ, а встрѣчаемъ только указаніе на то, что желаніе сыновей продолжать образъ жизни ихъ отца заставитъ ихъ больше требовать со своихъ крѣпостныхъ. Изъ приведеннаго примѣра законодатель выводитъ окончательное заключеніе,

что при единонаслѣдіи господинъ *можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять.*

Прямымъ послѣдствіемъ Петровскаго закона является обезземеленіе большей части дворянства. Законодатель успокоиваетъ насчетъ ихъ судьбы; по его словамъ: „прочіе не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. *И то все, что оные сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть...*

Итакъ законъ начинается и кончается указаніемъ на государственную пользу и государственный интересъ. Государственная польза и государственный интересъ являются постояннымъ припѣвомъ къ отдѣльнымъ частямъ закона. Объ людяхъ законъ заботится только постольку поскольку люди существуютъ для государства, какъ служилая или податная сила. Само собою разумѣется, что не всѣ обезземеленные дворяне оказались бы способными снискать себѣ хлѣбъ *службою, ученіемъ, торгами и прочимъ.* Такіе дворяне умерли бы съ голода. Законодатель не могъ не предвидѣть, что многіе падутъ жертвой его закона. Но возможность этихъ жертвъ не могла остановить Петра. Такъ полководецъ рѣшается на сраженіе, хотя знаетъ, что потеряетъ многихъ убитыми и ранеными.

Петру Великому нужны были деньги и люди для его преобразовательной дѣятельности. Значительная часть податнаго класса была крѣпостными помѣстнаго сословія, а сами помѣщики постоянно уклонялись отъ службы. Государю нужно было оградить податной классъ отъ разоренія помѣщиками и голодомъ заставить служить уклонявшихся отъ службы. Петръ Великій и издалъ свой законъ. Въ настоящее время, когда крестьяне свободны, благосостояніе ихъ не стоитъ ни въ какой зависимости отъ той или другой формы наслѣдованія дворянами въ

земельной собственности и государству нѣтъ надобности прибѣгать къ принудительному привлеченію людей на гражданскую службу. При новыхъ условіяхъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя существовали въ эпоху изданія закона о единонаслѣдіи, самъ авторъ этого закона можетъ быть призналъ бы его несвоевременность. Законъ, какъ извѣстно, просуществовалъ всего нѣсколько лѣтъ. Извѣстно также, что правомъ обращать свои имѣнія въ заповѣдныя, предоставленнымъ дворянамъ на основаніи ст. 395 т. X св. зак. воспользовалось, за все время существованія этого закона, только самое ничтожное число лицъ. Это ясно свидѣтельствуетъ въ пользу того, что единонаслѣдіе какъ было встарь, такъ и оставалось въ теченіе всего послѣдующаго времени не ко двору русскому обществу. Всѣми признана переимчивость Русскихъ. Подчинялись волѣ царя, Русскіе отреклись отъ такихъ вещей, которыя казались завѣтами старины: женщины выпущены изъ теремовъ; армія и лица, принадлежащія къ высшему служилому классу, одѣлись въ нѣмецкое платье. Страсть къ подражанію западу доходила до того, что многіе, чисто русскіе люди, не умѣли говорить на родномъ языкѣ и говорили только на иностранныхъ языкахъ. А законъ о единонаслѣдіи, это дѣтище запада, не привился: къ живому тѣлу народа прививается только то, что̀ само носитъ въ себѣ элементъ жизни.

Единонаслѣдіе является однимъ изъ признаковъ государственности. Въ западной Европѣ въ средніе вѣка, при феодальной системѣ, каждый землевладѣлецъ пользовался, въ большей или меньшей степени, правами государственной власти. Кромѣ того, при безсиліи въ то отдаленное время королевской власти, при правѣ вести частныя войны, дробленіе населенной земли между сонаслѣдниками, уменьшая, соотвѣтственно, и число вассаловъ каждаго,

ослабляло сонаслѣдниковъ, и ихъ уменьшившіеся участки легко могли быть поглощены болѣе могущественными сосѣдями.

Наша исторія сложилась совершенно иначе. У насъ даже удѣльные князья дѣлили свои удѣлы между всѣми сыновьями, давая старшему только бо́льшую и лучшую часть, и какъ только княжество теряло свою независимость, такъ тотчасъ же уничтожалось и различіе въ доляхъ сыновей въ наслѣдственномъ имѣніи. Но если такъ было встарину, при гражданскомъ порядкѣ еще не вполнѣ установившемся, то попытка Петра Великаго примѣнить къ наслѣдованію землею закопы, выросшіе на чуждой для насъ почвѣ и при другихъ обстоятельствахъ времени, были явнымъ анахронизмомъ. При Петрѣ правительство было уже достаточно могущественно, чтобы защитить пользованіе какимъ угодно количествомъ десятинъ и никто не чувствовалъ потребности въ самозащитѣ. Когда причины, вызвавшія къ жизни и поддерживавшія какіе либо обычаи, уже перестали существовать, обычай можетъ сохраняться еще очень долго послѣ того, въ особенности, если сами эти причины существовали въ теченіе продолжительнаго періода. Корни дерева погибли, но старое дерево сплелось вѣтвями съ вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ и стоитъ, поддержанное ими, а поверхностному наблюдателю можетъ казаться, что дерево стоитъ собственными силами; поверхностный наблюдатель не замѣчаетъ, что вѣтви дерева давно оголены отъ листьевъ и прикрыты листьями окружающихъ деревьевъ, которымъ трупъ стараго великана только мѣшаетъ расти. Намъ указываютъ на примѣръ современной западной Европы, гдѣ въ нѣкоторыхъ могущественныхъ и цвѣтущихъ государствахъ майораты существуютъ. Но однимъ такимъ указаніемъ ограничиться нельзя. Тотъ, кто думаетъ убѣдить насъ такимъ спосо-

бомъ. дѣлать такую же ошибку. какъ еслибы сталъ утверждать. что вспыльчивость—прекрасное качество и въ доказательство сталъ бы указывать на такихъ-то и такихъ-то лицъ, отличающихся вспыльчивостью и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующихся любовію всѣхъ своихъ знакомыхъ. Вспыльчивыхъ людей. разумѣется. можно любить. но только потому. что вспыльчивые люди могутъ обладать множествомъ положительныхъ качествъ, наприм. умомъ, добротой и т. д. Если любятъ вспыльчивыхъ. то ужъ конечно не за вспыльчивость, которую всѣ считаютъ недостаткомъ, и было бы лучше, еслибы лицо. падѣленное имъ, могло отъ него избавиться. Такъ и въ вопросѣ о единонаслѣдіи необходимо еще доказать. что государства. въ которыхъ оно существуетъ, процвѣтаютъ именно неагодаря ему. Между тѣмъ доказать это очень трудно, если не невозможно. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ не существуетъ раздѣла земельной собственности между сопаслѣдниками, неизбѣжно устанавливается неравенство въ распредѣленіи земли между подданными государства. Отсюда легко рождается зависть однихъ классовъ къ другимъ, могущая довести, при извѣстныхъ условіяхъ, до кровавыхъ столкновеній. Эти невыгодныя послѣдствія недѣлимости могутъ значительно ослабляться наличностью въ государствѣ многочисленнаго класса фермеровъ, которые, при правильномъ отношеніи къ нимъ земельныхъ собственниковъ, являются суррогатомъ мелкаго землевладѣнія. Кромѣ того, государство можетъ процвѣтать, не опасаясь никакихъ возмущеній со стороны классовъ, лишенныхъ земли, еще благодаря тому, что классы эти могутъ найти выгодное примѣненіе своимъ способностямъ и удовлетвореніе своему честолюбію въ торговлѣ, промышленности или научныхъ занятіяхъ. Чѣмъ равномѣрнѣе распредѣлено богатство между различными классами на-

рода, тѣмъ болѣе обезпечено мирное развитіе страны. Но равномѣрность недостижима на землѣ, а потому необходимо, чтобы имущества переходили какъ можно чаще изъ рукъ въ руки и чтобы препятствіемъ къ пріобрѣтенію имущества служилъ не законъ, а лѣность или неумѣлость. Когда колесо счастья, вращаясь, повергаетъ богатыхъ въ бѣдность и возноситъ бѣдныхъ на высоту богатства, то обѣдпѣвшіе богачи поддерживаютъ въ массѣ бѣдныхъ принципы собственности, а бѣдняки не чувствуютъ себя осужденными на безвыходное страданіе. Постоянный обмѣнъ личнаго состава между богатыми и бѣдными классами не даетъ развиваться чувствамъ зависти и вражды. Но изъ всѣхъ видовъ имущественнаго неравенства больше всего возбуждаетъ зависть неравенство въ обладаніи землей. Равнодушнѣе переносятъ накопленіе въ однѣхъ рукахъ громадныхъ денежныхъ капиталовъ, чѣмъ поземельной собственности: чтобы пріобрѣсти и сохранить капиталъ, нужны трудъ и искусство; если же земля недѣлима и неотчуждаема, то землевладѣніе обусловливается рожденіемъ. Тамъ, гдѣ неравенство въ обладаніи землей достигало наивысшей степени, какъ напримѣръ въ Римѣ при императорахъ, землевладѣльческое сословіе было поставлено въ постоянную необходимость кормить толпу и угождать ей зрѣлищами. Въ наше время въ Англіи, въ этой классической странѣ крупной земельной собственности, значеніе лендлордовъ падаетъ съ каждымъ годомъ: намъ постоянно приходится читать въ газетахъ о преніяхъ въ палатѣ общинъ и о законахъ, принятыхъ ею, и очень рѣдко о палатѣ пэровъ. Наконецъ, если не ошибаюсь, уже и въ Англіи поднимался вопросъ о выкупѣ фермерами арендуемыхъ ими участковъ. Петръ Великій, издавая законъ о единонаслѣдіи, руководствовался, какъ мы видѣли, вовсе не соображеніями объ

историческомъ прошломъ единонаслѣдія въ западной Европѣ. Онъ просто воспользовался готовой формой, способной, по его мнѣнію, удовлетворить потребностямъ времени. Дворяне, современные Петру Великому, легко могли воспользоваться предложенной законодателемъ формой для цѣлей совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя имѣлъ въ виду законодатель, подобно тому, какъ въ наше время пытается это сдѣлать кн. Мещерскій. Но для этого тогдашніе дворяне должны были обладать склонностью образовать землевладѣльческую аристократію. Между тѣмъ исторія доказала, что тогдашніе дворяне не дорожили величіемъ своего сословія. До Петра Великаго дворянство раздѣлялось на множество ступеней и между лицами, расположенными на крайнихъ ступеняхъ этой лѣстницы, было весьма мало общаго. Древность рода не принималась во вниманіе. Въ рядахъ низшаго дворянства встрѣчается много княжескихъ фамилій, потомковъ Рюрика, члены которыхъ никогда не достигали не только боярства, но и чина окольничаго. Наоборотъ, среди бояръ и въ думѣ, рядомъ съ князьями и представителями древнихъ боярскихъ родовъ, попадаются люди вовсе неродовитые. И между этими послѣдними и ихъ саповитыми товарищами было гораздо больше связи, чѣмъ между титулованными представителями высшаго и низшаго дворянства. Даже когда бояре мѣстничались между собою, они въ сущности спорили не о древности рода, а о томъ, чьи предки были старше по службѣ.

Я считаю излишнимъ входить въ разборъ того, правильно или ошибочно смотрѣли на дѣло наши предки, ходатайствуя объ отмѣнѣ Петровскаго закона, потому что теперешнее дворянство живетъ при совершенно иныхъ условіяхъ, и условія, въ которыхъ мы живемъ, могутъ заставить насъ признать своевременнымъ въ настоящее

время то, что̀ было преждевременнымъ полтораста лѣтъ тому назадъ.

Со времени отмѣны закона о единонаслѣдіи въ исторіи русскаго дворянства было два момента, рѣшительнымъ образомъ опредѣлившихъ современное намъ положеніе дворянства: мы говоримъ о жалованной грамотѣ и о всемъ царствованіи императрицы Екатерины II и объ освобожденіи крестьянъ.

Императоръ Петръ III и императрица Екатерина II, освободивъ дворянство отъ обязательной службы и давъ ему стройную организацію, превратили дворянство изъ тяглаго сословія, какимъ оно было прежде, изъ класса лицъ, пользовавшихся нѣкоторыми преимуществами въ возмездіе за исполненіе опредѣленныхъ обязанностей, въ родовую аристократію, пользующуюся привилегіями какъ бы по собственному праву. Въ этихъ государяхъ, родившихся внѣ предѣловъ Россіи, были еще сильны феодальные принципы, и потому самое пожалованіе приняло характеръ какъ бы предоставленія дворянству права, хотя и принадлежавшаго ему по рожденію, но которымъ оно до времени, по степени своего развитія, не могло пользоваться. Такое превращеніе, бывшее весьма выгоднымъ для дворянства, пока оно владѣло населенными имѣніями, оказалось гибельнымъ съ момента освобожденія крестьянъ, потому что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права оказались уничтоженными два существенные признака, отличавшіе дворянство отъ другихъ сословій. Правда, нѣкоторое правовое отличіе сохранилось еще въ особенностяхъ формъ дворянскаго самоуправленія и другихъ привилегіяхъ, но изъ этихъ послѣднихъ однѣ были невыгодны для дворянъ, какъ наприм. болѣе тяжкая кара за нѣкоторыя преступленія; другія же выгодныя, какъ напр. исключительное право поступленія въ ограниченное чи-

сло привилегированныхъ учебныхъ заведеній, были слишкомъ ничтожны. Во всякомъ случаѣ, признаки, отличавшіе дворянство отъ другихъ сословій, стали такъ мало замѣтны, что, естественно, многіе дворяне перестали придавать какое-либо значеніе принадлежности къ высшему сословію. Экономическія и соціальныя послѣдствія освобожденія крестьянъ были также громадны. Съ освобожденіемъ крестьянъ всѣ сословія получили возможность пріобрѣтать землю, вслѣдствіе чего цѣны на землю поднялись. Дворянское сословіе хотя искони владѣло землей, но сельскіе хозяева изъ среды помѣщиковъ могли попадаться только въ видѣ исключеній: постоянно отвлекаемые отъ своихъ помѣстій и вотчинъ службою, дворяне, до закрѣпощенія крестьянъ, могли эксплуатировать свои земли, сдавая участки въ аренду свободнымъ людямъ. Въ то отдаленное время, когда земли было много, а населеніе было рѣдко и помѣщикъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, что у него всегда будетъ достаточное количество съемщиковъ, землевладѣніе не могло быть особенно привлекательнымъ, и, вѣроятно, многіе охотно бы согласились промѣнять помѣстье на жалованье, если-бы тогдашнее правительство, по финансовымъ условіямъ, было въ состояніи платить его въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ. Позднѣе, въ началѣ существованія крѣпостнаго права, обработка земли, даже при помощи обязательнаго труда, была затруднительна, вслѣдствіе постоянныхъ побѣговъ крѣпостныхъ. При такихъ условіяхъ, когда, съ одной стороны, помѣщики постоянно отвлекались правительствомъ изъ своихъ помѣстій на службу, а съ другой стороны землевладѣніе не представляло особенныхъ выгодъ, у дворянъ не могло выработаться ни охоты, ни привычки къ сельскому хозяйству. И дѣйствительно, когда дворянство наконецъ было освобождено отъ службы и

получило возможность заняться хозяйствомъ, только часть его поселилась въ деревняхъ, да и та. по большей части. сдала хозяйство на руки бурмистрамъ и старостамъ. Вслѣдствіе этого, какъ только преграды, устранявшія другія сословія отъ землевладѣнія, рушились, должно было произойти перемѣщеніе земельной собственности изъ рукъ дворянъ, не расположенныхъ къ землевладѣнію, въ руки лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ сословіямъ, но желавшихъ владѣть землей. Были и такіе дворяне, которые, по разнообразнымъ условіямъ, не могли приноровиться къ новымъ способамъ эксплуатаціи земли и должны были продать ее либо вслѣдствіе разоренія, либо для избѣжанія окончательнаго разоренія.

Такимъ образомъ образовался классъ дворянъ безземельныхъ. Этотъ классъ въ значительномъ числѣ своихъ представителей, принужденный искать средствъ къ существованію на государственной или частной службѣ. или же въ занятіяхъ свободными профессіями, конечно не можетъ удержаться отъ усвоенія взглядовъ и привычекъ той среды, въ рядахъ которой ему приходится дѣйствовать. Что касается до данной среды, среды чиновничества и разночинцевъ,—среды, гдѣ нѣтъ родовыхъ преданій. гдѣ успѣхъ обусловленъ приспособленностью каждаго отдѣльнаго лица къ тому или другому дѣлу, то она, по самой природѣ своей, не способна и не склонна быть носительницей аристократическихъ идей и, естественно, демократична. Но если эта обезземеленная часть дворянства порвала связи съ землей, то этотъ разрывъ произошелъ еще слишкомъ недавно, чтобы забылись родственныя связи между дворянствомъ обезземеленнымъ и дворянствомъ землевладѣльческимъ. а потому эти безземельные дворяне должны, неизбѣжно, вліять на взгляды и убѣжденія части дворянства. сидящей на землѣ. Это

вліяніе должно быть тѣмъ сильнѣе, что дворяне-землевладѣльцы высылаютъ, обыкновенно, цвѣтъ своей молодежи въ учебныя заведенія и на службу или рекомендуютъ ей занятія вольными профессіями. Словомъ, дворянинъ-землевладѣлецъ, въ наиболѣе впечатлительную пору своей жизни, окупается въ ту именно среду, которая уже ассимилировала, въ духовномъ отношеніи, многое множество дворянъ. Вотъ почему естественно ожидать, что современное дворянство окажется едва ли болѣе проникнуто духомъ величія, чѣмъ дворянство первой четверти прошлаго столѣтія.

Опытъ жизни подтверждаетъ это: дворяне охотно вѣрятъ, когда имъ говорятъ, будто они прямые потомки дружины Рюрика, но вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не обижаются, если имъ доказываютъ, что это совершенный вздоръ. Громадное большинство дворянства вовсе не знаетъ своей родословной, о своихъ шести книгахъ вспоминаетъ только тогда, когда приходится отдавать дѣтей въ учебное заведеніе, и безъ особыхъ затрудненій роднится съ людьми недворянскаго происхожденія, въ особенности если эти послѣдніе получили высшее образованіе или обладаютъ хорошими средствами. Безъ всякаго сомнѣнія, есть и такіе дворяне, которые заботятся о составленіи своихъ родословныхъ, семейныхъ архивовъ и исторіи своего рода, но такіе дворяне составляютъ незначительное меньшинство. Они либо принадлежатъ къ историческимъ фамиліямъ, либо тѣснятся вокругъ Престола и, озаренные его блескомъ, естественно желаютъ оставаться въ его лучахъ какъ можно дольше. Но такія исключенія были и въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, когда былъ отвергнутъ Петровскій законъ.

Не было бы ничего удивительнаго въ томъ, еслибы кн. Мещерскій раздѣлялъ взгляды этого меньшинства

Но кн. Мещерскій демократъ по убѣжденіямъ и совѣтуетъ намъ слѣдовать примѣру соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки.

Но какъ прошлое западной Европы рѣзко отличается отъ прошлаго Россіи, такъ и современная Америка не похожа на современную Россію. Въ Америкѣ праздность считается предосудительной; въ Америку иммиграція постоянно приноситъ изъ Европы новые и новые запасы рабочей силы, энергіи и сбереженій; въ Америкѣ высокая заработная плата даетъ возможность рабочему дѣлать въ короткое время сбереженія, достаточныя для покупки земли въ западныхъ штатахъ, гдѣ она дешева; наконецъ въ Америкѣ не боятся уходить далеко отъ густо населенныхъ мѣстъ.

Въ Россіи такъ же какъ и въ Америкѣ много еще нетронутой и плодородной земли, но на томъ сходство и кончается; у насъ трудъ не въ большой чести, наши дворяне не привыкли къ физическому труду и оказались мало способными не только къ пріобрѣтенію имущества, но и къ сохраненію наслѣдія отцовъ.

Поэтому въ Америкѣ янки, принужденный оставить отчій участокъ, объявленный недѣлимымъ и неотчуждаемымъ, легко и скоро пріобрѣтетъ, если захочетъ, новый участокъ земли; у насъ же дворянинъ, выпущенный послѣ смерти отца изъ заповѣднаго имѣнія на всѣ четыре стороны, имѣетъ гораздо больше шансовъ умереть съ голода, чѣмъ обезпечить себѣ безбѣдное существованіе.

Помимо этой разницы въ условіяхъ американскаго и нашего быта, не мѣшаетъ указать еще и на то, что кн. Мещерскій рекомендуетъ въ сущности нѣчто такое, что имѣетъ только внѣшнее сходство съ американскими порядками. Вотъ что говоритъ г. Побѣдоносцевъ объ американскомъ законѣ (Homestead Exemption) въ своей статьѣ

Семейные участки (Русскій Вѣстникъ, сентябрь 1889 г.): „Владѣлецъ можетъ особымъ формальнымъ порядкомъ, съ запискою въ поземельную книгу, объявить свою дачу, въ размѣрѣ до 200 акровъ, съ домомъ и принадлежащею къ нему инвентарною движимостью, имуществомъ нераздѣльнымъ и неподлежащимъ взысканію до 1000 долларовъ. Если по случаю взысканія окажется, что имѣніе стóитъ дороже этой цѣны, то въ остальной суммѣ владѣльцу предоставляется выкупъ, или, буде дача можетъ быть раздѣлена, отъ нея отрѣзывается соотвѣтственная часть. Отъ владѣльца зависитъ, если захочетъ, новымъ актомъ уничтожить неотчуждаемость имѣнія, но, дабы охранить семью отъ неразумнаго произвола главы семейства, для этого требуется согласіе жены его.“ Съ 1849 г. законъ принятъ уже въ 44 (изъ числа 48-ми) штатахъ съ разными измѣненіями, по мѣстнымъ условіямъ. (Побѣдоносцевъ, Русскій Вѣстникъ сентябрь 1889 г.). Далѣе г. Побѣдоносцевъ приводитъ свидѣтельство британскаго консула о дѣйствіи этого закона. „Маленькіе люди благословляютъ этотъ законъ, обезпечивающій ихъ въ томъ, что въ случаѣ болѣзни или невзгодъ не отнимутъ у нихъ домашнее гнѣздо и не будутъ они доведены до крайней нищеты. Слабые защищены противу сильныхъ, противъ кулаковъ и ростовщиковъ, которые пользуются невѣжествомъ и бѣдностью поселенца, чтобы обирать его до послѣдней копѣйки. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти законы оберегаютъ жену и семью отъ мужнина безумства и легкомыслія, такъ какъ Homestead не можетъ быть ни проданъ, ни заложенъ, ни покинутъ мужемъ безъ согласія жены. Безъ всякаго сомнѣнія, тысячи семействъ въ штатахъ спасены этими мѣрами отъ совершеннаго разоренія.“

Изъ приведенныхъ цитатъ мы видимъ, что первое условіе, которое ставитъ законъ для заповѣднаго участка,

это его весьма ограниченные размѣры: если 200 акровъ по пространству представляютъ все-таки довольно значительную величину, то денежная стоимость участка не должна превышать 1.000 долларовъ. 200 акровъ и 1.000 долларовъ—это maximum площади и цѣнности заповѣднаго участка. Еслибы участокъ въ 200 акровъ стоилъ дороже тысячи долларовъ, то на излишекъ стоимости могутъ быть обращаемы взысканія, и часть земли можетъ быть отдѣлена отъ участка и продана въ такомъ разсчетѣ, чтобы стоимость остающейся земли была не ниже 1.000 долларовъ. Владѣльцы такихъ участковъ должны быть людьми очень бѣдными, если законъ имѣетъ цѣлью защитить поселенцевъ отъ кулаковъ и ростовщиковъ, которые пользуются невѣжествомъ поселенца. Второе наиболѣе важное для насъ требованіе закона заключается въ томъ, что владѣльцу предоставлено право, если захочетъ, уничтожить неотчуждаемость имѣнія.

Князь Мещерскій, предлагая учрежденіе заповѣдныхъ участковъ и опредѣляя размѣръ такого участка, который можетъ быть сдѣланъ заповѣднымъ, предлагаетъ установить не maximum, какъ это дѣлаютъ въ Америкѣ, а напротивъ minimum. Самый этотъ minimum представляетъ величину довольно солидную, а именно въ 400 десятинъ. Я не имѣю свѣдѣній о томъ, что стоятъ земли въ Полтавской губерніи, но въ нашихъ черноземныхъ уѣздахъ имѣніе въ 400 десятинъ стоитъ отъ 40 тысячъ и выше. Владѣльца такого имѣнія уже не приходится защищать отъ кулака, такъ какъ такого землевладѣльца нельзя назвать бѣднымъ и такой землевладѣлецъ не можетъ быть невѣжественнымъ.

Другой сторонникъ заповѣдныхъ дворянскихъ имѣній. г. Баратынскій, идетъ еще дальше кн. Мещерскаго и полагаетъ, что наименьшая цифра годоваго дохода, при

которомъ имѣніе можетъ быть обращено въ заповѣдное, должна достигать 8 тысячъ рублей. (Изъ губерніи. С.-Петербургъ, 1887 г., стр. 80).

Защитники заповѣдности ничего не говорятъ о томъ, намѣрены ли они предоставить помѣщикамъ право уничтожить неотчуждаемость участка, если то окажется почему-либо полезнымъ. Точно также я не помню, чтобы кн. Мещерскій высказался опредѣленно относительно того, должно ли быть предоставлено мелкопомѣстнымъ дворянамъ право дѣлать свои имѣнія заповѣдными. Что же касается до г. Баратынскаго, то онъ откровенно говоритъ: „Мелкіе участки будутъ продолжать дробиться; часть ихъ будетъ переходить въ руки общинниковъ-крестьянъ, часть будетъ скупаться и дворянами и другими сословіями, *но государство будетъ вполнѣ обезпечено въ сохраненіи той доли сословія, которая нужна для его будущности*“. (Изъ губерніи, стр. 81).

Вотъ мы и договорились наконецъ до самой сути. При чемъ же тутъ Америка? Тамъ законъ ограждаетъ бѣдняка, а здѣсь богатые люди со спокойнымъ сердцемъ предвидятъ уничтоженіе мелкаго дворянскаго землевладѣнія. Наши реформаторы любятъ *домъ довольный, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное*, любятъ до того, что рады предоставить постепенному уничтоженію все мелкопомѣстное дворянство и ежегодно выпускать на всѣ четыре стороны массы дворянъ, лишенныхъ права наслѣдовать въ земельной собственности.

До сихъ поръ я старался доказать, что аргументація сторонниковъ заповѣдныхъ имѣній построена на кривомъ толкованіи плохо понятыхъ или даже и вовсе непонятыхъ фактовъ и законовъ. Мнѣ кажется, что я достигъ намѣченной цѣли; но, само собою разумѣется, что я далекъ отъ мысли будто, показавъ несостоятельность до-

водовъ моихъ противниковъ, я покончилъ съ вопросомъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ. Противники могутъ быть слабы и своею защитой только вредить дѣлу, которое взялись отстаивать, но самое дѣло тѣмъ не менѣе можетъ быть справедливымъ. Постараюсь же, въ дальнѣйшемъ изложеніи, представить безпристрастный и возможно подробный разборъ интересующаго насъ предмета.

I.

Первымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ учрежденія недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ было бы сильное и ежегодное увеличеніе числа обезземеленныхъ дворянъ, принужденныхъ искать средствъ къ жизни либо на государственной или частной службѣ, либо на поприщѣ свободныхъ профессій. Постоянный приливъ на рынокъ труда лицъ, ищущихъ занятій, вызоветъ конкурренцію между ними, сбавитъ цѣны на трудъ и уменьшитъ вѣроятность успѣха. Дворяне-землевладѣльцы, предвидя такую судьбу своихъ сыновей, устраняемыхъ закономъ отъ наслѣдованія землей, естественно, постараются поставить своихъ сыновей въ такія условія, при которыхъ они могли бы вступить въ борьбу за существованіе съ возможно бо́льшими шансами на успѣхъ, весьма основательно разсчитывая, что, какъ бы плохо ни шли дѣла владѣльца неотчуждаемаго участка, этотъ владѣлецъ не рискуетъ по крайней мѣрѣ умереть съ голода; родители увидятъ единственное средство въ уравненіи судьбы всѣхъ своихъ сыновей въ снабженіи денежными капиталами тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ подлежать обезземеленію. Такимъ образомъ, тотъ изъ сыновей, который останется на землѣ, въ большинствѣ случаевъ будетъ получать ее обремененною долговыми обязательствами и плохо снаб-

женною инвентаремъ. Оборотный же капиталъ будетъ доставаться ему только въ исключительныхъ случаяхъ.

Такими же соображеніями о большей обезпеченности землевладѣльца отъ голодной смерти будутъ руководствоваться родители и при выборѣ того сына, которому они оставятъ землю, если только рѣшеніе этого вопроса будетъ предоставлено усмотрѣнію родителей. Помѣстить производительно капиталъ труднѣе, чѣмъ вести рутиннымъ способомъ сельское хозяйство, и рискъ потери капитала при неудачѣ предпріятія всегда довольно великъ, а потому, по необходимости, будутъ выпускаться на всѣ четыре стороны тѣ сыновья, которыхъ родители будутъ считать способнѣе какъ по уму, такъ и по энергіи. Если такой подборъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда родители имѣютъ возможность снабдить своихъ сыновей хоть какими-нибудь средствами, то онъ становится рѣшительно неизбѣженъ, если имѣніе такъ обремененно обязательствами, что для выдѣла капиталовъ сыновьямъ, устраняемымъ отъ наслѣдованія, ничего не остается.

Теперь спрашивается: насколько могутъ поднять значеніе помѣстнаго дворянства эти владѣльцы недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ, если, какъ это можно ожидать, сами владѣльцы будутъ представлять низшій сортъ сословія въ отношеніи ума, энергіи и образованія, а имѣнія будутъ отягощены долгами? Позволительно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы такіе землевладѣльцы могли быть хорошими общественными дѣятелями или вести образцовое хозяйство. Если же они не будутъ въ состояніи удовлетворить обоимъ этимъ требованіямъ, то какой смыслъ будетъ имѣть учрежденіе недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ имѣній?

Само собою разумѣется, что изложенный порядокъ вещей можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если вы-

боръ между сонаслѣдниками будетъ предоставленъ наслѣдодателямъ и если эти послѣдніе будутъ проникнуты чувствомъ безусловной справедливости и обладать достаточною проницательностью для вѣрнаго опредѣленія сравнительныхъ способностей сонаслѣдниковъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдодатель будетъ руководствоваться чувствомъ симпатіи къ тому или другому изъ сонаслѣдниковъ, во всѣхъ случаяхъ ошибокъ наслѣдодателя въ опредѣленіи способностей сонаслѣдниковъ, а также въ томъ случаѣ, если лицо, долженствующее вступить въ обладаніе землей, будетъ указываться закономъ, будутъ возможны случаи, что владѣльцами надѣленныхъ участковъ будутъ являться люди, обладающіе способностями и достаточными денежными средствами, но тѣмъ слабѣе будетъ подборъ дворянъ, конкуррирующихъ на рынкѣ труда и тѣмъ ихъ положеніе будетъ менѣе обезпечено.

До сихъ поръ я говорилъ только о мужскихъ представителяхъ дворянскаго сословія, да и то вполнѣ правильно организованныхъ и здоровыхъ, не касаясь вовсе положенія женщинъ и увѣчныхъ. Но если все сказанное нами выше въ этомъ параграфѣ убѣдительно, то мнѣ ничего не остается прибавить, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что женщинѣ у насъ бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ мужчинѣ, найти примѣненіе своему труду и что женскій трудъ оплачивается, въ большинствѣ случаевъ, значительно хуже мужскаго. Между тѣмъ въ высшихъ классахъ общества далеко не всѣ женщины вступаютъ въ бракъ, вслѣдствіе чего женщины часто принуждены добывать средства къ жизни собственнымъ трудомъ. Это внѣбрачное состояніе значительнаго числа женщинъ и необходимость для нихъ лично вступить въ борьбу за существованіе заставляетъ даже критически взглянуть на неравенство въ наслѣдованіи

имуществомъ, установленное нашимъ законодательствомъ между мужчинами и женщинами. Не было бы ничего удивительнаго въ томъ, еслибы стремленіе ввести недѣлимость земельной собственности встрѣтило нѣкоторое препятствіе еще и со стороны того теченія, которое стремится къ уравненію мужчинъ и женщинъ въ правахъ наслѣдованія и, разумѣется, уже не путемъ устраненія тѣхъ и другихъ отъ наслѣдства. Что же касается до больныхъ и увѣчныхъ, то безнадежность ихъ положенія при предлагаемомъ законѣ такъ очевидна, что о ней не стóитъ и говорить.

Точно также я считаю безполезнымъ говорить особо и о судьбѣ малолѣтнихъ дворянъ, такъ какъ само собою разумѣется, что если ихъ интересы не будутъ ограждены законами объ опекѣ или общественномъ призрѣніи, то имъ ничего не остается кромѣ смерти или сумы.

II.

Въ предыдущемъ изложеніи я уже упомянулъ о томъ, что среда чиновничества, служащихъ по найму у частныхъ лицъ и занимающихся свободными профессіями не благопріятна для сохраненія и развитія родовыхъ преданій. Въ этой средѣ успѣхъ достигается преимущественно личными качествами каждаго, и человѣкъ, самъ создавшій себѣ положеніе въ обществѣ, конечно, имѣетъ основаніе съ меньшей благодарностью и уваженіемъ относиться къ памяти предковъ, чѣмъ землевладѣлецъ, благосостояніе котораго зависитъ отъ наслѣдства, оставленнаго ему дѣдами. Поставленная въ зависимость отъ личныхъ способностей, безземельная часть общества находится въ вѣчномъ волненіи: благосостояніе однихъ семей падаетъ и онѣ теряются на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы; другія лица неожиданно выдвига-

ются изъ толпы, гдѣ ихъ прежде никто не замѣчалъ. У этихъ послѣднихъ нѣтъ родословной, тогда какъ первымъ, дошедшимъ до необходимости изо-дня въ день только и думать, что о насущномъ хлѣбѣ, разумѣется, не до предковъ. Если же такое состояніе упадка будетъ тянуться достаточно продолжительное время, въ теченіе котораго успѣютъ смѣниться нѣсколько поколѣній, то что мудренаго въ томъ, если самое славное прошлое будетъ забыто. Эти условія, уже сами по себѣ нивеллирующія всѣхъ подпадающихъ подъ ихъ вліяніе, найдутъ поддержку еще и въ частыхъ бракахъ дворянъ, вращающихся въ этой средѣ, съ лицами недворянскаго происхожденія, потому что такіе браки еще шире раскроютъ двери притоку въ нравы дворянъ обычаевъ и взглядовъ разночинной среды. Наоборотъ, все поддерживаетъ въ наслѣдственномъ землевладѣльцѣ любовь къ семейнымъ преданіямъ: и самая земля, и каждое дерево въ саду, и отцовскій, а иногда и дѣдовскій домъ, и давнишніе сосѣди. Правда, при существующей въ настоящее время свободѣ отчужденія земельной собственности, случаи, когда однимъ и тѣмъ же имѣніемъ владѣютъ послѣдовательно нѣсколько поколѣній одного и того же рода, сравнительно, довольно рѣдки, но, вопервыхъ, тутъ-то, главнымъ образомъ, и окажетъ услугу сосѣдство, съ которымъ всякому, вновь пріѣзжему въ мѣстность, придется свести знакомство и которое очень скоро привьетъ своему новому сочлену свои традиціи; вовторыхъ, въ томъ же направленіи будетъ дѣйствовать и то, если можно такъ выразиться, до нѣкоторой степени благоговѣйное чувство, какое внушаетъ всякому исконному дворянину всякая старая барская усадьба, хотя бы она до того и принадлежала другому роду. Наконецъ, браки, которые, внѣ землевладѣнія, содѣйствуютъ разрушенію родовыхъ

преданій, въ классѣ землевладѣльческомъ. напротивъ, укрѣпляютъ ихъ: тогда какъ въ разночинной средѣ происходитъ постоянное перемѣщеніе людей не только по ступенямъ общественной лѣстницы сверху внизъ и наоборотъ, но еще, такъ сказать, и въ горизонтальной плоскости каждаго общественнаго слоя и притомъ во всѣхъ направленіяхъ,—въ классѣ землевладѣльцевъ, въ особенности если землевладѣльцы живутъ на своей землѣ, браки заключаются, по необходимости преимущественно между лицами живущими въ одномъ околоткѣ, такъ какъ перемѣщенія на большія разстоянія только въ видѣ исключенія возможны для лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ.

Но если мы считаемъ сохраненіе родовыхъ преданій и дворянскихъ традицій желательнымъ и не въ смыслѣ только одной изъ формъ проявленія сословной спѣси, а какъ одного изъ существенныхъ факторовъ государственной жизни, то мы не должны ограничивать кружокъ людей, долженствующихъ служить хранителями и проводниками консервативныхъ идей нѣсколькими десятками тысячъ лицъ, замкнутыхъ въ неподвижныя рамки сословія. Эти десятки тысячъ составили бы весьма малый процентъ на все стомилліонное населеніе нашего отечества. Для торжества какой-либо идеи необходимо возможно большее число послѣдователей и глашатаевъ, а мы достигнемъ результатовъ прямо противоположныхъ. если, со введеніемъ единонаслѣдія и неотчуждаемости дворянскихъ имѣній, проведемъ не только непроницаемую юридическую, экономическую и соціальную грань между дворянствомъ землевладѣльческимъ и дворянствомъ безземельнымъ, но и посѣемъ между ними вражду, давъ основаніе безземельнымъ завидовать дворянамъ-землевладѣльцамъ, а землевладѣльцамъ относиться къ менѣе счастли-

вымъ своимъ братьямъ нѣсколько свысока. Правда, изъ класса дворянъ-землевладѣльцевъ будетъ постоянно изливаться обильный силами потокъ въ безземельную часть населенія; но мы уже разсмотрѣли тѣ вліянія, отъ дѣйствія которыхъ безземельные дворяне будутъ подвергаться неизбѣжной метаморфозѣ. Конечно, и между обезземеленными дворянами будутъ попадаться такіе, которые, испытавъ на себѣ несправедливость судьбы, устранившей ихъ отъ землевладѣнія, не почувствуютъ злобы противъ болѣе счастливыхъ своихъ родственниковъ и не поколеблются въ тѣхъ принципахъ, которыми долженъ быть проникнутъ каждый потомственный дворянинъ. Можно однако опасаться, что такія лица будутъ составлять лишь ничтожное меньшинство, голосъ которыхъ, въ лучшемъ случаѣ, встрѣтитъ только равнодушное пренебреженіе, а въ худшихъ случаяхъ насмѣшки, порицанія и противодѣйствія. Чтобы извѣстное духовное состояніе, признаваемое необходимымъ факторомъ правильной жизни народа, проникло въ сердца многихъ, нужно, чтобы этимъ многимъ были доступны условія, порождающія это духовное состояніе. Поэтому если мы видимъ въ дворянскомъ землевладѣніи одинъ изъ столповъ Престола и государственнаго порядка, то необходимо сдѣлать землевладѣніе возможно болѣе доступнымъ для возможно бо́льшаго числа потомственныхъ дворянъ. Введеніемъ же закона о единонаслѣдіи и неотчуждаемости могутъ быть достигнуты только результаты діаметрально противоположные. Правда, въ настоящее время много дворянъ должны были продать свои земли; но это есть явленіе, которое можетъ оказаться преходящимъ и возможно допустить, что дворяне, уступающіе теперь свои земли другимъ сословіямъ, черезъ нѣсколько времени вновь почувствуютъ побужденіе пріобрѣтать земли и найдутъ сред-

ства къ тому. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы увѣрены, что это возвращеніе дворянства къ землевладѣнію произойдетъ не съ помощью закона о недѣлимости и неотчуждаемости, который фактъ обезземеленія части дворянства, хотя бы и значительной, хочетъ возвести въ законодательную мѣру, долженствующую обезземелить большинство дворянства. Правда, при новомъ законѣ число десятинъ, находящихся нынѣ во владѣніи помѣстнаго сословія, современемъ уже не будетъ убавляться, но намъ представляется болѣе желательнымъ сохраненіе возможно бо́льшаго числа дворянъ-землевладѣльцевъ: дробленіе земельной собственности еще не означаетъ необходимо обѣдпѣніе землевладѣльцевъ, потому что доходность и стоимость земли постоянно увеличивается, хотя и подвержена временно колебаніямъ. Кромѣ того, намъ кажется, что изъ нашихъ изслѣдованій вопроса уже выяснилось, что со введеніемъ новаго порядка наслѣдованія либо дворяне-землевладѣльцы будутъ крайне бѣдны, либо, если законъ оградитъ во всѣхъ отношеніяхъ ихъ матеріальное положеніе, они станутъ предметомъ зависти и нелюбви. Въ томъ и другомъ случаѣ сомнительной пользѣ будетъ противопоставлено положительное зло.

III.

Я уже имѣлъ случай упомянуть мимоходомъ о завистн и нерасположеніи со стороны безземельныхъ дворянъ къ ихъ родственникамъ землевладѣльцамъ и о чувствѣ нѣкотораго пренебреженія, которымъ эти послѣдніе будутъ отплачивать имъ. И теперь, при равенствѣ правъ братьевъ въ наслѣдованіи земельными участками, частораздѣлы наслѣдства вызываютъ ссоры между родными. Но эти ссоры, по большей части, бываютъ непродолжительны, потому что и вызываются-то часто мелочами.

Послѣдствія болѣе важныхъ ошибокъ могутъ быть легко устранены или исправлены судомъ или привлеченіемъ къ оцѣнкѣ сторонпихъ лицъ. Такъ какъ равная доля въ наслѣдованіи обезпечена закономъ за каждымъ изъ братьевъ, то всякій увѣренъ въ своемъ правѣ и не оспариваетъ права другого,—спорить можно только относительно оцѣнки частей. Разъ недоразумѣнія, вызванныя раздѣломъ, такъ или иначе устранены, въ отношенія между братьями начинаютъ вновь вторгаться добрыя чувства: вопервыхъ, установившіяся между братьями въ родительскомъ домѣ и, вовторыхъ, отношенія сосѣдскія, въ которыя теперь стали другъ къ другу раздѣлившіеся братья. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, которыя повторяются часто и, по природѣ своей, овладѣваютъ душой на болѣе или менѣе продолжительное время, изглаживаются чувства розни, вызванныя скоропреходящимъ актомъ раздѣла. Совсѣмъ иначе будетъ при единонаслѣдіи. Если наслѣдникъ, имѣющій получить землю, будетъ указанъ закономъ, то, по мѣрѣ того какъ въ умы братьевъ съ годами будетъ проникать сознаніе неравенства въ наслѣдованіи, будетъ расти и охлажденіе братьевъ, обойденныхъ закономъ, къ своему счастливому брату. Если же выборъ наслѣдниковъ будетъ предоставленъ родителямъ, то послѣдствія будутъ еще прискорбнѣе: въ первомъ случаѣ зависть и нерасположеніе будутъ направлены только противъ одного изъ братьевъ,—братья, устраняемые отъ наслѣдованія землей, не имѣютъ повода враждовать между собою. Во второмъ случаѣ каждый изъ братьевъ, сколько бы ихъ ни было, не зная на кого упадетъ выборъ ихъ родителей, будетъ опасаться и ненавидѣть всѣхъ остальныхъ. Мало того, что разрушаются такимъ образомъ добрыя отношенія между братьями, наносится ударъ правильнымъ отношеніямъ между родителями и дѣтьми,

потому что дѣти будутъ стремиться ласкательствомъ и лестью выманить въ свою пользу рѣшеніе родителей; а когда выборъ родителей станетъ наконецъ извѣстенъ, сыновья, устраненные отъ наслѣдованія землей, сочтутъ себя обиженными родителями и, конечно, почувствуютъ значительное охлажденіе, если не прямую ненависть къ нимъ.

Послѣ этихъ соображеній, кажется, становится очевидною еще одна вредная сторона единонаслѣдія: уже давно стало ходячею истиной то, что хорошія семейныя отношенія служатъ основаніемъ всякаго общественнаго и государственнаго порядка, между тѣмъ закономъ о единонаслѣдіи колеблется именно этотъ краеугольный камень.

IV.

До сихъ поръ я разсматривалъ вопросъ о единонаслѣдіи со стороны тѣхъ отношеній, какія съ его помощью установятся между членами одного и того же сословія; въ настоящемъ параграфѣ я считаю не безполезнымъ коснуться отчасти того, въ какія отношенія поставилъ бы законъ о единонаслѣдіи дворянство къ остальнымъ сословіямъ.

Обезземеленная часть дворянства, какъ мы видѣли, не имѣетъ другого исхода, какъ слиться съ чиновничествомъ и разночиннымъ классомъ, а сфера дѣятельности и мѣсто жительства этихъ классовъ, по преимуществу, городъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по роду занятія, чиновнику или технику приходится дѣйствовать въ деревнѣ, чиновникъ, обыкновенно, старается имѣть квартиру въ ближайшемъ городѣ, а техникъ устроивается на фабрикѣ по дачному, такъ что и въ этихъ случаяхъ связи, устанавливающіяся между чиновникомъ и техникомъ съ одной

стороны и мѣстностью съ другой, по большей части, чисто внѣшняго свойства.

По всей вѣроятности, какъ теперешнія связи, такъ и нѣкоторыя привычки служилаго сословія, будутъ побуждать дворянъ искать, по преимуществу, государственной службы. И теперь, когда на всѣхъ ступеняхъ государственной службы мы встрѣчаемъ очень много дворянъ, либо владѣющихъ землей, либо такихъ, которымъ предстоитъ въ будущемъ унаслѣдовать землю отъ своихъ родителей, чиновничество представляетъ такое малое знаніе Россіи, что для выраженія несоотвѣтствія какого либо закона или административнаго мѣропріятія съ мѣстными условіями, стала обычной нѣсколько пренебрежительная фраза: „это петербургскіе чиновники выдумали“. Что же будетъ тогда, когда въ средѣ самаго дворянства произойдетъ расколъ, когда распадется живая и постоянная связь между чиновнымъ и помѣстнымъ дворянствомъ и когда чиновное дворянство испытаетъ на себѣ нивеллирующее вліяніе окружающей обстановки, о которой было говорено выше? Конечно, органамъ дворянскаго и мѣстныхъ самоуправленій предоставлено закономъ ходатайствовать объ отмѣнѣ и исправленіи законовъ и административныхъ распоряженій, оказавшихся неудобными для данной мѣстности, а въ послѣднее время сталъ даже практиковаться вызовъ изъ губерній въ Петербургъ свѣдущихъ людей. Но надо сознаться, что оба эти способа только въ незначительной степени содѣйствуютъ къ исправленію ошибокъ чиновничества, потому что мѣстнымъ жителямъ приходится обращаться со своими жалобами, по большей части, къ той же самой чиновничьей средѣ, которая и была авторомъ мѣры, на неудобство которой приносится жалоба.

V.

Само собою разумѣется, что мною далеко не исчерпанъ вопросъ о вліяніи закона о единонаслѣдіи на взаимоотношенія дворянства и остальныхъ сословій. Но вопросъ такъ сложенъ, въ него входитъ такъ много условій, изъ которыхъ многихъ нѣтъ даже никакой возможности предусмотрѣть въ настоящее время и которыя могутъ быть обнаружены только практикой, что мы считаемъ себя въ правѣ ограничиться вышеизложеннымъ, такъ какъ дальнѣйшія изысканія могли бы повести къ заключеніямъ, въ которыя произволъ входилъ бы составною частью въ очень значительной мѣрѣ.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о единонаслѣдіи во всей его чистотѣ, не касаясь тѣхъ ограниченій, которыми предлагаютъ обставить законъ сами инициаторы дѣла. Мы сдѣлали это въ томъ предположеніи, что съ устраненіемъ, на время, этихъ усложняющихъ условій, намъ удастся гораздо рельефнѣе выставить на видъ всѣ существенныя свойства закона. Теперь перейдемъ къ этимъ ограниченіямъ.

Сами лица, предлагающія установленіе единонаслѣдія, не находятъ однако цѣлесообразнымъ распространять его дѣйствіе на всѣхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Такъ какъ главной цѣлью закона является сохраненіе блеска дворянскихъ родовъ, то очевидно, что участки, которые, по своей незначительности, не въ состояніи дать своимъ владѣльцамъ средствъ къ блестящей жизни, могутъ, безъ вреда для дѣла, остаться внѣ сферы дѣйствія закона. Съ другой стороны многіе изъ существующихъ нынѣ дворянскихъ имѣній на столько велики, что въ состояніи выдѣлить нѣсколько участковъ, изъ которыхъ каждый будетъ въ состояніи поддержать блестящее положеніе цѣ-

лой семьи. Раздробленіе такихъ имѣній должно быть признано полезнымъ даже съ точки зрѣнія самихъ пропагандаторовъ недѣлимости, такъ какъ въ противномъ случаѣ и безъ того малочисленный классъ родовитыхъ дворянъ-землевладѣльцевъ былъ бы еще болѣе ограниченъ безъ всякой уважительной причины. Въ виду этихъ соображеній установленіе нормальнаго размѣра недѣлимаго участка представляется весьма важнымъ, при чемъ всякая ошибка въ опредѣленіи минимума влечетъ за собой весьма невыгодныя послѣдствія, ибо если принять слишкомъ низкій минимумъ, то не будетъ достигнута цѣль, которую ставятъ закону о недѣлимости, потому что незначительныя имѣнія не сообщатъ блеска своимъ владѣльцамъ; если же будетъ допущенъ слишкомъ высокій, то къ ущербу собственнаго дѣла ограничатъ число блестящихъ дворянскихъ родовъ. Между тѣмъ вполнѣ очевидно на сколько трудно практически опредѣлить тотъ наименьшій размѣръ земельнаго участка, спускаясь ниже котораго уже не можетъ быть рѣчи о блескѣ: представленія о блескѣ и комфортѣ крайне субъективны и находятся въ полной зависимости отъ личныхъ вкусовъ каждаго; точно также очевидно, что самый этотъ минимумъ, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, не можетъ быть одинаковъ для всѣхъ мѣстностей имперіи и не можетъ быть неподвиженъ въ теченіе продолжительнаго періода времени, такъ какъ доходность земли въ разное время находится въ зависимости отъ большей или меньшей степени совершенства сельскаго хозяйства, количества населенія и успѣховъ торговли и фабричной промышленности. Тѣмъ не менѣе мы готовы допустить, что съ помощью той доли произвола, который неизбѣжно привходитъ во всякое опредѣленіе какого либо ценза, вопросъ о минимумѣ будетъ разрѣшенъ съ возможнымъ совершенствомъ. Что-же изъ этого выйдетъ?

Изъ этого, если вѣрны разсчеты сторонниковъ недѣлимости, должно выйти то, что нѣкоторая часть помѣстнаго дворянства, на первое время, послѣ установленія минимума дѣлимости, окажется внѣ сферы дѣйствія закона о единонаслѣдіи: крупные землевладѣльцы не будутъ подлежать новому закону, когда количество принадлежащей имъ земли можетъ быть раздѣлено на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая будетъ неменьше нормы. Такіе землевладѣльцы однако черезъ нѣсколько поколѣній, когда участки ихъ достигнутъ предѣла дѣлимости, войдутъ въ общую массу помѣстнаго сословія. Что же касается до дворянъ мелкопомѣстныхъ, то они не подойдутъ подъ дѣйствіе закона, потому что ихъ имѣнія ниже предѣла дѣлимости. Эти послѣдніе дворяне, какъ не имѣющіе средствъ къ поддержанію блеска рода, не могутъ составить предмета заботливости сторонниковъ недѣлимости и могутъ быть предоставлены произволу судьбы. Такъ какъ, по утвержденію сторонниковъ недѣлимости, дробленіе земельной собственности содѣйствуетъ переходу ея изъ рукъ дворянъ въ руки другихъ сословій, то эти мелкопомѣстные дворяне, продолжая дѣлить землю поровну между своими сыновьями, скоро лишатся земли; тѣ же, которые сохранятъ землю, упадутъ до уровня низшихъ земледѣльческихъ классовъ. Тогда установится на всемъ пространствѣ земли русской порядокъ, уже разсмотрѣнный нами въ предъидущихъ параграфахъ. Тогда, по разсчету сторонниковъ недѣлимости, помѣстное дворянство начнетъ блистать на всю Россію и свѣтъ этотъ не померкнетъ до тѣхъ поръ пока будетъ существовать Россія.

Я уже указывалъ на то, почему я считаю, что такіе разсчеты могутъ оказаться ошибочными. Но даже если-бы они оказались вполнѣ вѣрными, я не могу сочувство-

вать тому порядку вещей, который явится слѣдствіемъ закона о недѣлимости. Мнѣ представляется крайне страннымъ, что дворянству предлагается для сохраненія блеска нѣкоторыхъ фамилій ускорить паденіе всѣхъ остальныхъ членовъ сословія. Еслибы, по неисповѣдимымъ рѣшеніямъ Провидѣнія, только части дворянства было суждено сохранить историческое значеніе, то судьбѣ и слѣдовало бы предоставить рѣшеніе вопроса о томъ, кому сходить со сцены и кому продолжать существованіе. Тогда судьба для своего выбора прибѣгнетъ къ тому безобидному способу, къ которому она прибѣгаетъ во всѣхъ случаяхъ, когда ею возбужденъ вопросъ о жизни и смерти: она отберетъ всѣхъ, кто по своимъ духовнымъ и матеріальнымъ силамъ будетъ въ уровень съ требованіями вѣка. Подчинится приговору судьбы легче, чѣмъ приговору людей, потому что все живущее признаетъ авторитетъ судьбы, а самый приговоръ ея, несмотря на то, что не можетъ быть отмѣненъ, не представляется такимъ ужаснымъ, какъ приговоръ людей, потому что въ громадномъ большинствѣ случаевъ не очевиденъ для современниковъ и заинтересованныхъ лицъ.

Есть на землѣ еще сила, приговору которой безропотно подчинится дворянство. Эта сила—Верховная Власть. Искони вѣрой и правдой служа Престолу, видя въ этомъ свою историческую задачу, дворянство хорошо понимаетъ, что на землѣ только Государю принадлежитъ неотъемлемое право рѣшить, угодна ли ему служба дворянства или неугодна и, если угодна, то желаетъ ли онъ службы всего сословія или только части его и какой именно. Но пока Государь не произнесъ своего приговора надъ дворянствомъ и пока рѣшеніе Провидѣнія, управляющаго даже царями, не проявилось во внѣ, дворянство, какъ мнѣ кажется, поступило бы достойнѣе, еслибы согласилось

скорѣе сойти со сцены въ полномъ составѣ, чѣмъ дѣлать выборъ между собой. Да и гдѣ тѣ судьи, на столько самоувѣренные, чтобы взялись рѣшить, который изъ дворянскихъ родовъ нужнѣе отечеству? Но если возможны ошибки при рѣшеніи вопроса о сравнительной годности для отечества того или другого дворянскаго рода на основаніи доблести, то можно ли предлагать для подобной же цѣли такой внѣшній признакъ, какъ количество десятинъ, находящихся во владѣніи? Всѣ ли богатые самые достойные сыны сословія и развѣ не много достойнѣйшихъ среди мелкопомѣстныхъ?

VI.

Къ счастью, положеніе той части помѣстнаго сословія, которой имѣнія окажутся ниже минимума, не представляется для меня такимъ безнадежнымъ, какимъ оно является въ глазахъ сторонниковъ недѣлимости, и поголовное обезземеленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ вовсе не очевидно. Чтобы пагубныя послѣдствія свободныхъ раздѣловъ поземельной собственности стали безспорными, необходимо доказать, что процентъ мелкихъ и среднихъ имѣній, ушедшихъ изъ рукъ дворянства со времени освобожденія крестьянъ по настоящее время, значительнѣе, чѣмъ процентъ крупныхъ имѣній, проданныхъ дворянствомъ за тотъ же періодъ времени. Между тѣмъ есть основаніе ожидать совершенно обратнаго явленія, такъ какъ чѣмъ мельче имѣніе, тѣмъ легче его собственнику ограничить свои потребности соразмѣрно съ получаемымъ доходомъ. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ обладатели крупной поземельной собственности, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, живутъ въ столицахъ или за границей, гдѣ они удерживаются либо удобствами жизни, либо успѣхами по службѣ и плохо знаютъ размѣры своего состо-

нія, мелкіе и средней руки собственники, по большей части, рано покидаютъ службу, гдѣ они не могутъ надѣяться достигнуть очень значительныхъ степеней, и рано принимаются за хозяйство. Постоянное общеніе съ землей укрѣпляетъ привязанность къ ней и даетъ возможность твердо знать свои доходы. Плохо зная свои средства, крупные землевладѣльцы склонны считать свои средства лучшими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, а живя роскошно, они внушаютъ такое же представленіе о своемъ состояніи и тѣмъ лицамъ, у которыхъ они берутъ деньги взаймы и которые, живя вдали отъ земли своихъ должниковъ, сами не могутъ знать ихъ кредитоспособности. Вслѣдствіе этого крупный землевладѣлецъ гораздо легче средняго или мелкаго обремепяетъ свое имѣніе долгами, несоразмѣрными съ доходами, и не рѣдки случаи, когда люди, ведущіе открытую и блестящую жизнь, роскошествуютъ на чужой счетъ. Въ послѣдніе годы, когда наши черноземные уѣзды испытали цѣлый рядъ неурожаевъ, а конкурренція съ Америкой на хлѣбномъ рынкѣ и боевыя пошлины на нашу рожь, наложенныя Германіей, уронили цѣну на зерновой хлѣбъ во всей Россіи, положеніе нашего мелкопомѣстнаго дворянства вѣроятно ухудшилось, потому что могли оказаться истраченными сдѣланныя имъ сбереженія; но еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ были извѣстны случаи, когда мелкіе помѣщики давали деньги взаймы болѣе крупнымъ. Въ то же время положеніе крупныхъ собственниковъ можетъ показаться постороннему наблюдателю менѣе безотраднымъ, потому что, по указаннымъ нѣсколько выше причинамъ, крупные землевладѣльцы легче находятъ людей, соглашающихся ссудить ихъ деньгами свыше того, сколько можно разсчитывать получить съ нихъ обратно.

Обезземеленіе дворянства, къ сожалѣнію, не только

не прекратилось, но даже, вслѣдствіе экономическаго кризиса, о которомъ я только-что упомянулъ. вѣроятно успѣлось бы въ значительной степени, еслибы вовремя не подоспѣла помощь въ видѣ дворянскаго банка. Но есть основаніе полагать, что еслибы кризисъ не постигъ Россію, то часть помѣстнаго дворянства, которая успѣла освоиться съ новыми условіями быта, созданными освобожденіемъ крестьянъ, крѣпко осѣла бы на своихъ земляхъ.

До освобожденія крестьянъ земля удерживалась въ рукахъ дворянства искусственными преградами. Весьма естественно, что когда эти преграды пали, множество лицъ, устранявшихся прежде закономъ отъ землевладѣнія, пожелали пріобрѣсти землю частью по соображеніямъ экономическаго свойства, частью побуждаемые личными вкусами или тщеславіемъ. Увеличившійся спросъ поднялъ цѣны на землю и увеличилъ соблазнъ обмѣнять земельную собственность, пользованіе которой показалось теперь многимъ сопряженнымъ съ страшными затрудненіями, на денежный капиталъ, дающій возможность безъ хлопотъ и съ удобствомъ просуществовать на проценты. Весьма естественно, что подпасть такому соблазну могли преимущественно обладатели крупныхъ помѣстій, частью потому, что крупные собственники меньше привязаны къ своей землѣ, чѣмъ мелкіе, частью же потому, что безъ хлопотъ и съ роскошью можно жить только на проценты съ большаго капитала, тогда какъ продажей мелкаго участка можно выручить лишь капиталъ, способный дать средства къ существованію только при условіи помѣщенія его въ какое-либо предпріятіе; дворянство же не было подготовлено къ такого рода дѣятельности. Конечно, были и такіе помѣщики; которые продали имѣнія съ цѣлью броситься въ спекуляціи, но во всякомъ случаѣ первыми бросили землю люди, не чувствовавшіе къ

ней никакой привязанности. За ними послѣдовали всѣ тѣ, которые разорились либо отъ неумѣнья уменьшить свои расходы сообразно съ новыми условіями, либо отъ неумѣнья вести хозяйство съ помощью свободнаго труда. Каждый годъ вырывалъ изъ рядовъ помѣстнаго дворянства все новыя и новыя жертвы, но каждая жертва падала послѣ болѣе упорной и болѣе умѣлой борьбы. По мѣрѣ того, какъ ряды помѣстнаго дворянства рѣдѣли, увеличивалась энергія бойцовъ и ихъ способность къ сопротивленію, и уже можно было съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ ожидать наступленія того времени, когда не только остановится обезземеленіе дворянства, но и начнется обратное движеніе. Уже стали попадаться случаи, когда дворяне пріобрѣтали отъ разночинцевъ земли, прежде бывшія помѣщичьими. На такіе случаи нельзя смотрѣть какъ на случайныя исключенія. Какъ бы мало ни занимались дворяне сельскимъ хозяйствомъ, инстинкты землевладѣнія, укоренявшіеся вѣками и только на время заглушенные переполохомъ, послѣдовавшимъ за освобожденіемъ крестьянъ, должны были наконецъ сказаться. Земство и мировой институтъ, съ ихъ цензами, тоже должны были служить стимуломъ для покупки земли. Съ другой стороны нѣкоторая доля разочарованія въ выгодности обладанія землею, которую испытали разночинные землевладѣльцы, побуждала ихъ продавать свои земли. Какъ далеко зашло бы это возстановленіе дворянскаго землевладѣнія —мы не беремся угадывать, потому что наступившій сельскохозяйственный кризисъ пресѣкъ возможность покупки дворянами бывшихъ дворянскихъ имѣній. Но во всякомъ случаѣ въ этомъ виновато не дробленіе имѣній, а экономическій кризисъ, обрушившійся не на однихъ дворянъ, но и на разночинныхъ землевладѣльцевъ. Только купцы и мѣщане, не находя

уже покупщиковъ среди дворянства, стали продавать свои земли крестьянамъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ дѣлъ мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго банка.

Какъ бы ни былъ тяжелъ переживаемый кризисъ, онъ тѣмъ не менѣе повлечетъ за собою менѣе жертвъ, чѣмъ повлекла, въ свое время, крестьянская реформа, потому что онъ засталъ помѣстное дворянство болѣе подготовленнымъ къ борьбѣ съ обстоятельствами. Дворянство уже успѣло свыкнуться съ болѣе скромнымъ образомъ жизни и пріобрѣло болѣе гибкости въ приноровленіи расходовъ къ доходамъ. Интересъ къ сельскому хозяйству замѣтно возросъ и наглядно выразился въ постоянномъ появленіи въ свѣтъ новыхъ сельскохозяйственныхъ журналовъ, увеличеніи сельскохозяйственной литературы, оригинальной и переводной, учрежденіемъ сельскохозяйственныхъ обществъ и опытныхъ станцій, открытіемъ выставокъ, музеевъ и складовъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и наконецъ чтеніемъ публичныхъ лекцій. Большее знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ дало возможность передовымъ хозяевамъ замѣтить, что средства исправить зло, въ значительной мѣрѣ, въ рукахъ самихъ сельскихъ хозяевъ: ибо если иностранные рынки закрылись для нашей ржи, то на тѣхъ же рынкахъ можетъ возникнуть спросъ на какіе-либо другіе продукты сельскаго хозяйства, воздѣлываніе которыхъ возможно у насъ. Правда, здѣсь на первыхъ же порахъ можетъ оказаться, что тѣ знанія по части сельскаго хозяйства, которыми обладаютъ въ настоящее время землевладѣльцы, еще недостаточны и отличаются по большей части случайностью и отсутствіемъ системы. До сихъ поръ землевладѣльцы принимались за хозяйство, испробовавъ себя предварительно на какомъ либо другомъ поприщѣ, къ прохожденію котораго и готовились въ соотвѣтствующихъ учебныхъ

заведеніяхъ. Можетъ быть недалеко то время, когда въ среду землевладѣльцевъ проникнетъ убѣжденіе, что занятіе хозяйствомъ требуетъ такой же предварительной подготовки, какъ и занятіе медициной или адвокатурой. Тогда возникнетъ спросъ на спеціальныя земледѣльческія учебныя заведенія и не только высшія, съ обширной программой и продолжительнымъ курсомъ, но также на среднія и низшія,—болѣе дешево стоющія, чѣмъ высшія, а потому и болѣе многочисленныя,—разбросанныя по губерніямъ, вслѣдствіе чего преподаваніе въ нихъ легко можетъ быть примѣнено къ мѣстнымъ условіямъ хозяйства,—съ программами менѣе обширными и курсомъ менѣе продолжительнымъ, что̀ дастъ возможность поступать въ нихъ юношамъ съ средними способностями и ограниченными средствами.

Но еслибы даже хозяевамъ, для совершенствованія въ своей спеціальности, не было открыто иного пути, кромѣ того, по которому они принуждены слѣдовать въ настоящее время, то и тогда успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ будутъ съ каждымъ годомъ значительнѣе, хотя и не такъ быстры, какъ съ открытіемъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Всякій успѣхъ хозяйства выражается увеличеніемъ доходности земли, а увеличеніе доходности земли является естественнымъ и самымъ существеннымъ противовѣсомъ вреднымъ слѣдствіямъ дробленія земельной собственности. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что съ успѣхами торговли, а также фабричной и заводской промышленности, цѣны на произведенія мануфактуръ постоянно падаютъ, что̀ даетъ возможность на одинъ и тотъ же доходъ пріобрѣтать съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе предметовъ домашняго комфорта и даже роскоши и не измѣнять замѣтно образа жизни даже и при уменьшеніи до-

хода. Вотъ еще новое обстоятельство, при наличности котораго послѣдствія дробленія земельной собственности утрачиваютъ свой угрожающій характеръ.

Обращаясь теперь ко всему сказанному въ этомъ параграфѣ, я прихожу къ тому заключенію, что больше вѣроятія въ томъ, что дворянство, несмотря на свободу дробленія земельной собственности, удержитъ ее въ своихъ рукахъ, чѣмъ въ томъ, что оно лишится ея, благодаря дробленію. Но если дробленіе земельной собственности не влечетъ за собою неизбѣжно обезземеленія, то весьма вѣроятно, что со введеніемъ закона о единонаслѣдіи, рядомъ съ дворянами, владѣющими надѣлимыми участками, будутъ существовать дворяне, владѣюціе землей на существующихъ нынѣ основаніяхъ. Въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ я указалъ на возможность такихъ условій, при которыхъ положеніе владѣльцевъ недѣлимыхъ участковъ будетъ далеко незавидпымъ. Но каково бы ни было ихъ положеніе, плачевно или блестяще, я рѣшительно отказываюсь признать желательнымъ искусственное раздѣленіе на двѣ категоріи дворянства, составные элементы котораго исторія такъ плотно слила въ одно цѣлое, что они не поддаются органическому разчлененію. Если положеніе владѣльцевъ недѣлимыхъ участковъ будетъ жалкимъ, какъ я того ожидаю, то само собою разумѣется, что появленіе ихъ послужитъ ко вреду и ихъ самихъ и остальнаго дворянства. Если же положеніе ихъ будетъ блестяще, то я все-таки отказываю имъ въ сочувствіи, вопервыхъ, потому, что ихъ благополучіе будетъ, по необходимости, основано на несчастіи ихъ братьевъ, и, вовторыхъ, еще и потому, что ихъ обособленное существованіе безцѣльно: намъ говорятъ о блескѣ или, по крайней мѣрѣ, о достаткѣ, но, какъ мы видѣли, достатокъ возможенъ и при свободѣ дробленія

земли, и мы вовсе не увѣрились въ томъ, что дворянство въ цѣломъ своемъ составѣ должно погибнуть, какъ то думаютъ сторонники недѣлимости, но, напротивъ, убѣждены, что дворянство съ достоинствомъ выйдетъ изъ настоящаго своего, дѣйствительно тяжелаго, положенія. Что же касается до блеска, то нуженъ ли онъ? Исторія всѣхъ народовъ и вѣковъ немолчно свидѣтельствуетъ намъ, что періоды внѣшняго блеска высшихъ сословій всегда совпадали съ періодомъ упадка государства и что истинныя доблести неразлучны съ умѣреннымъ образомъ жизни.

VII.

До сихъ поръ я разсматривалъ вопросъ о недѣлимости дворянскихъ имѣній въ томъ предположеніи, что законъ о единонаслѣдіи будетъ обязателенъ если не для всего помѣстнаго дворянства, то во всякомъ случаѣ для опредѣленной его части. Но раздаются голоса, которые высказываютъ желаніе, чтобы установленіе единонаслѣдія, въ каждомъ данномъ случаѣ, было предоставлено произволу каждаго дворянина-землевладѣльца. Такое ограниченіе закона, кажущееся на первый взглядъ совершенно безобиднымъ, имѣетъ однако такія невыгодныя стороны, что принятіе этого ограниченія едвали можетъ быть желательнымъ. Казалось бы, что новое ограниченіе закона о единонаслѣдіи, къ разбору котораго мы приступаемъ, есть не болѣе какъ расширеніе существующаго закона, по которому дворянамъ разрѣшается, при наличности извѣстныхъ условій, ходатайствовать передъ верховною властью объ учрежденіи въ имѣніи майората. А между тѣмъ между существующимъ закономъ и предполагаемымъ его измѣненіемъ есть существенное различіе. Вмѣшательство верховной власти въ каждый случай установленія майората служитъ лучшею гарантіей того,

что установленіе майората необходимо и не сопряжено съ нарушеніемъ чьихъ-либо интересовъ. Напротивъ, если установленіе единонаслѣдія будетъ поставлено въ зависимость отъ воли каждаго, не контролируемой государственною властью, то на ряду съ случаями, когда установленіе единонаслѣдія будетъ вызвано благоразуміемъ и разсчетомъ, могутъ, также часто, имѣть мѣсто случаи учрежденія единонаслѣдія подъ вліяніемъ предпочтенія родителями одного сына другимъ,—предпочтенія, часто выпадающаго вовсе не на долю достойнѣйшаго. Мѣра предпочтенія неограниченна, а потому будутъ возможны случаи, когда состояніе въ полномъ составѣ будетъ передаваться избраннику, а остальныя дѣти предоставлены на произволъ судьбы. Поставленные вполнѣ въ зависимость отъ собственныхъ силъ, эти обдѣленныя дѣти, въ случаяхъ неспособности или болѣзни, естественно, для поддержанія существованія, должны будутъ обращаться къ общественной благотворительности. Но само собою разумѣется, что какъ только отъ какого-либо распоряженія частнаго лица своимъ имуществомъ можетъ быть вызвана къ дѣятельности общественная благотворительность, такъ самое распоряженіе требуетъ санкціи государственной власти. Законъ о единонаслѣдіи можетъ быть признанъ полезнымъ вообще или только при извѣстныхъ условіяхъ. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть обязателенъ для всѣхъ или для тѣхъ, которые подойдутъ подъ заранѣе закономъ установленныя и всѣмъ извѣстныя условія. Если же польза единонаслѣдія настолько сомнительна, что государственная власть не рѣшится ее узаконить и оставить въ силѣ, какъ общее правило, нынѣ существующій порядокъ наслѣдованія, то разумно ли предоставить произволу частнаго лица примѣненіе мѣры сомнительной полезности и не должно ли каждое укло-

неніе отъ общаго закона дѣлаться съ вѣдома и съ согласія законодательной власти?

VIII.

Я окончилъ разсмотрѣніе вопроса о единонаслѣдіи по существу и мнѣ остается только сказать кое-что о чисто-практической сторонѣ дѣла, о тѣхъ условіяхъ, наличность которыхъ можетъ послужить препятствіемъ ко введенію предлагаемаго закона, вслѣдствіе чего введеніе закона неизбѣжно должно сопровождаться болѣе или менѣе значительною ломкой. Однако я не буду долго останавливаться на этомъ предметѣ, потому что если вредъ предлагаемаго закона очевиденъ, то законъ не будетъ введенъ. Если же убѣжденіе въ пользѣ единонаслѣдія уже достаточно глубоко проникло въ общество, то никакое число жертвъ не испугаетъ сторонниковъ единонаслѣдія.

Сторонники единонаслѣдія требуютъ для недѣлимыхъ участковъ еще и неотчуждаемости. Хотя недѣлимость и неотчуждаемость земли и не связаны между собою необходимо, но намъ кажется, что первая дѣйствительно не полна безъ второй. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣло бы запрещеніе дробленія земли между родственниками, еслибы владѣлецъ имѣнія имѣлъ право передать его въ полномъ составѣ постороннему лицу?

Экономическія послѣдствія, которыя должны проистечь отъ установленія неотчуждаемости дворянскихъ имѣній, многочисленны и нужно обладать огромными свѣдѣніями въ политической экономіи, чтобы съ вѣроятностью на успѣхъ разобраться въ этой массѣ переплетающихся и дѣйствующихъ въ разныхъ направленіяхъ условій. Вотъ почему я ограничусь здѣсь указаніемъ только на то, что установленіе неотчуждаемости дворянскихъ имѣній можетъ подорвать кредитъ, въ которомъ дворяне ощущаютъ

обыкновенно такую нужду. Масса вторыхъ закладныхъ ясно доказываетъ, что дворянству недостаточно того кредита, который открывается ему государственнымъ дворянскимъ и частными земельными банками. Но какое же обезпеченіе будетъ предоставлено кредиторамъ противъ неисправнаго заемщика, если послѣднему не будетъ угрожать продажа имѣнія? А если не будетъ кредита, то гдѣ же доставать деньги для выдѣла тѣхъ дѣтей, которымъ не полагается наслѣдовать въ земельной собственности?

Въ настоящее время задолженность помѣстнаго дворянства громадна: подавляющее большинство дворянскихъ имѣній заложено въ земельныхъ банкахъ и счастливыми почитаются тѣ, имѣнія которыхъ заложены не въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, а въ дворянскомъ Харьковскомъ и пр. т. п. банкахъ, хотя бы и по спеціальной оцѣнкѣ. На весьма многихъ имѣніяхъ есть вторыя закладныя и самые доходы съ имѣній заложены, потому что выдаются ссуды подъ соло-векселя изъ государственнаго банка. И сверхъ всего этого многіе изъ дворянъ принуждены брать деньги у частныхъ лицъ подъ векселя и иногда за ужасающіе проценты. При такой задолженности есть ли какая-либо возможность найти еще гдѣ-либо капиталы для снабженія ими дѣтей, устраняемыхъ отъ землевладѣнія, и не представляется ли дробленіе имѣній единственнымъ средствомъ дать каждому изъ дѣтей хотя бы кусокъ насущнаго хлѣба? Наконецъ, что дѣлать съ той массой кредиторовъ, которая ссужала помѣстное дворянство деньгами и которая имѣетъ право ожидать со стороны заемщиковъ точнаго исполненія принятыхъ на себя обязательствъ?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Здѣсь я могу счесть мою задачу исполненной: вопросъ о заповѣдныхъ дворянскихъ имѣніяхъ разсмотрѣнъ мною настолько полно, насколько это доступно моему пониманію. Изъ разбора, предложеннаго въ восьми предыдущихъ параграфахъ, выяснилось, какъ мнѣ кажется, что установленіе у насъ заповѣдныхъ дворянскихъ имѣній было бы вредно для дворянства во всѣхъ отношеніяхъ: нравственномъ, экономическомъ и общественномъ, и противорѣчило бы историческому прошлому дворянства. Этотъ вредъ былъ сознанъ еще полтораста лѣтъ тому назадъ, и тогдашнее дворянство привѣтствовало уничтоженіе Петровскаго закона, не очень-то заботясь о блескѣ и величіи своего сословія, которые кажутся столь заманчивыми нѣкоторымъ изъ нашихъ современниковъ. Мы видѣли, что моменты, пережитые дворянствомъ со времени упраздненія закона о единонаслѣдіи, не могли содѣйствовать развитію въ дворянахъ аристократическихъ тенденцій. Откуда же занесены къ намъ эти новыя вѣянія, эти заботы о величіи, для достиженія котораго намъ предлагаютъ забыть о справедливости, заглушить любовь къ ближайшимъ роднымъ и посѣять вражду между ними? Если эти вѣянія не имѣютъ основаній въ нашемъ прошломъ, то по неволѣ приходится обратить взоры на западную Европу. Съ начала прошлаго столѣтія въ ряды дворянства вступило цѣлое полчище иностранцевъ, такъ что въ настоящее время нѣтъ такого дворянскаго семейства, у котораго въ числѣ предковъ и родныхъ не было бы лицъ инозем наго происхожденія. Вмѣстѣ съ потокомъ иностранной крови, естественно, проникли въ дворянъ вкусы и взгляды аристократической Европы, гдѣ все общество дѣлилось на замкнутыя и организованныя группы

и гдѣ единонаслѣдіе практиковалось въ теченіе многихъ столѣтій. Эта-то иностранная кровь, текущая въ насъ въ настоящее время, и говоритъ въ сторонникахъ недѣлимости и неотчуждаемости дворянскихъ имѣній.

Я знаю, что только-что высказанная мысль многимъ покажется странной. Но если отвергнуть предложенное мною объясненіе, то намъ, волей-неволей, придется сдѣлать еще только одно предположеніе для объясненія сравнительнаго успѣха, какимъ пользуется въ средѣ дворянства идея о заповѣдныхъ имѣніяхъ: дворянство не вѣритъ въ свои силы, въ свою жизненность.

Еслибы дворянство вѣрило въ себя, дворяне не вычисляли бы, черезъ сколько времени имъ предстоитъ уступить свои земли другимъ сословіямъ и не просили бы о прикрѣпленіи себя къ землѣ. Еслибы дворянство вѣрило въ себя, дворяне не забывали бы извѣстнаго изреченія римскаго права: beati possidentes (счастливы обладающіе),—но памятовали бы, что легче, обладая вещью, сохранить ее, чѣмъ пріобрѣсти вновь, и что слѣдовательно выгоды находятся на сторонѣ дворянства, а не на сторонѣ разночинцевъ, оспаривающихъ у нихъ землевладѣніе.

Правда, глядя на совершающееся вокругъ насъ, можно усомниться въ правильности выставленнаго положенія: много имѣній уже перешло изъ рукъ дворянства въ руки другихъ сословій. Выше я представилъ подробный разборъ этого явленія и я надѣюсь, что всякій, кто внимательно слѣдилъ за ходомъ моего изложенія, пришелъ, вмѣстѣ со мной, къ убѣжденію, что дальнѣйшему обезземеленію дворянства долженъ скоро наступить конецъ безъ всякаго вмѣшательства закона, изданнаго исключительно въ сословныхъ интересахъ. Для купцовъ и мѣщанъ не установлено никакихъ законовъ о единонаслѣдіи и неотчуждаемости земли, а между тѣмъ они пріі-

обрѣли уже очень много дворянскихъ имѣній, и если продаютъ ее сами, то не вслѣдствіе раздробленія при раздѣлѣ наслѣдства, а потому, что ищутъ болѣе выгоднаго помѣщенія для своихъ капиталовъ.

Мнѣ могутъ указать на то, что купцы и мѣщане не владѣли крѣпостными и, слѣдовательно, не испытали экономическаго кризиса, вызваннаго освобожденіемъ крестьянъ. На это я отвѣчу, что мнѣ извѣстно не мало дворянъ, которые хозяйничали въ эпоху крестьянской реформы и имущественное положеніе которыхъ вовсе не было поколеблено. Повторяю, что мнѣ извѣстны также случаи, и именно въ моемъ родномъ, Малоархангельскомъ, уѣздѣ, когда земли, прежде бывшія дворянскими и проданныя владѣльцами лицамъ, не принадлежащимъ къ дворянскому сословію, вновь возвращались въ дворянскія руки. Но до сихъ поръ дворяне стараются покупать земли въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дворянское сословіе многочисленно. Это коренныя русскія губерніи, гдѣ населеніе густо, вслѣдствіе чего и цѣны на землю болѣе или менѣе высоки. Понятно, что если есть разсчетъ покупать землю въ этихъ губерніяхъ, то только для мѣстныхъ землевладѣльцевъ, потому что дорога борозда къ загону. Лица же, не владѣющія еще землей, должны обращать взоры, въ случаѣ, если пожелаютъ пріобрѣсти земельную собственность, на окраины государства, гдѣ земля дешевле.

Теперь, какъ и всегда, въ теченіе всей исторіи Россіи, изъ центра государства къ его окраинамъ постоянно движется обильный потокъ переселенцевъ. Но эти переселенцы—народъ бѣдный и темный. И этому-то люду приходится быть носителемъ и проводникомъ идеи народности и государственности на далекихъ окраинахъ. Не всѣ дворяне, принужденные продать свою землю, окончательно разорились; многіе изъ нихъ могутъ поправить

свои обстоятельства, трудясь на другихъ поприщахъ, и, если эти обезземеленные дворяне вновь почувствуютъ влеченіе къ землѣ, собственный интересъ долженъ побудить ихъ вмѣшаться въ общій потокъ.

Личныя выгоды не встрѣтятся здѣсь враждебно съ общимъ благомъ, и дворянство могло бы съ успѣхомъ исполнить просвѣтительную роль въ темной средѣ переселенцевъ.

Такое движеніе дворянъ, вѣроятно, будетъ встрѣчено сочувственно правительствомъ. Если дворянство признано носителемъ извѣстныхъ идей, необходимыхъ въ общемъ строѣ государства, то является прямой необходимостью привлеченіе помѣстнаго дворянства въ тѣ мѣста имперіи, гдѣ его еще нѣтъ.

Въ какой формѣ желательно содѣйствіе правительства переселенію дворянства на окраины государства, въ формѣ ли верстанія землей за службу, въ формѣ ли продажи земли или уступки на срокъ, это вопросъ, взяться за разрѣшеніе котораго я не считаю себя компетентнымъ. Ограничусь лишь напоминаніемъ, что надѣленіе служилыхъ людей землей, принадлежащей государству, не представляетъ чего-либо небывалаго въ послѣднее время: много было пожаловано земли на Кавказѣ и въ привислянскихъ губерніяхъ разнымъ крупнымъ и мелкимъ должностнымъ лицамъ. Но эти пожалованія не имѣли никакого значенія съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ пожалованные не обязывались селиться на своихъ земляхъ.

А. Потуловъ.

2007041581